

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ПОЭЗИЯ АУСЕКЛИСА И МИХАИЛА БОРХА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Кузьмина Эрика Викторовна

Магистр

Докторант Варшавского Университета

Аннотация. Аусеклис и Михаил Борх представители одной эпохи, они проживают на одной территории, заинтересованы отразить в своем творчестве родные места. Однако национальные интересы авторов разнятся, причины этого представлены в статье. Культурно-историческая школа, основателем которой является И. Тэн, утверждает, что на автора влияют национальные интересы, исторический момент и среда, а литературное произведение является результатом совокупности данных факторов. На примере того, как авторы отражают гидроним Двина и Даугавы в своем творчестве раскрываются различия их взглядов на сложившуюся ситуацию в Инфлянтах XIX века.

Annotation. Auseklis and Mikhail Borh are representatives of the same era, they live in the same territory, they are interested in reflecting their native places in their work. However, the national interests of the authors differ, the reasons for this are presented in the article. The cultural-historical school, founded by I. Taine, claims that the author is influenced by national interests, the historical moment and the environment, and a literary work is the result of a combination of these factors. Using the example of how the authors reflect the hydronym of the Dvina and Daugava in their work, the differences in their views on the current situation in Livonia in the 19th century are revealed.

Ключевые слова: Аусеклис, Михаил Борх, культурно-историческая школа, Инфлянты, Двина, Даугава.

Key words: Auseklis, Mikhail Borch, cultural-historical school, Livonia, Dvina, Daugava.

В рамках культурно-исторической школы литература рассматривается как явление детерминированное национальной психологией автора и его принадлежностью к определенному физико-географическому и историческому контексту.

Согласно культурно-исторической концепции, во внимание необходимо взять три фактора. В первую очередь, необходимо рассмотреть врожденные, наследственные склонности, привитые автору по рождению, в зависимости от его расы и национальности. Ко второму объективному фактору относится среда обитания, то есть географические, климатические и социальные условия жизни. К третьему фактору относится так называемый «момент». Имеется ввиду конкретный момент в жизни нации, его историческое содержание. Основатель данной культурно-исторической концепции французский философ позитивист Ипполит Тэн в своей работе под названием «Философия искусства» говорит о том, что литература обнажает лучшим образом историю нации: «Литература превосходит все иные документы, представляющие нашему взору чувства прошлых поколений» [1]. Таким образом литературное произведение можно использовать как прибор по изучению нации в определенный период времени, живущей при определенных геоэстетических обстоятельствах.

Как подмечает Ипполит Тэн, из литературного памятника возможно раскрыть психологию души его создателя, зачастую психологию века, а если повезет, то и психологию целой расы [2].

Исходя из вышеупомянутой концепции следует, что автора литературного произведения

стоит рассматривать как представителя национальной психологии и носителя воздействия, которое на него оказывает среда проживания и исторический момент. Индивидуальные характеристики автора являются вторичными. Тэн утверждает, что смена литературных форм также происходит в соответствии с действием таких естественных причин как среда и момент.

Два образа одной реки

Гидронимы Двина и Даугава достаточно часто появляются на страницах латышских, польских и русских писателей XIX века и начала XX века. Чаще всего обращение к ним представлено в поэтической форме, особенно если речь идет о творчестве лифляндцев. Но встречаются также описания в историко-географических трудах, таких как «Река западная Двина» Алексея Сапунова и «Этнографический образ Витебской губернии» Александра Сементовского. Польские и латвийские поэты XIX века увлечены романтической поэзией, в связи с этим природные объекты играют в их произведениях важную роль. Гидронимы Двина и Даугава встречаются в поэзии Аусеклиса, Яниса Райниса, Казимира Буйницкого, Игнация Храповицкого и Михаила Борха. Образ реки представлен авторами с позиции латвийских патриотов, борющихся за свои права, и с позиции польской аристократии, наблюдающей за происходящим на землях Лифляндии со стороны.

В данной статье рассматриваются два образа Даугавы на примере стихотворений польского лифляндца Михаила Борха и латышского патриота Аусеклиса. Несмотря на то, что между написанием стихотворений существует определенный промежуток времени, стоит отметить, что

творчество Михаила Борха представлено читателю в первой половине XIX века, а Аусеклиса во второй его половине, Витебская губерния по-прежнему находится в составе Российской империи, следовательно, настроения и обстоятельства жизни на данных территориях принципиально не изменились. При рассмотрении двух стихотворений задачей является найти черты характерные для национальности конкретного автора, также выявить особенности характерные для данного периода, которые повлияли на создание литературных произведений. Следуя культурно-историческому методу, собственно, как и геоэстетической концепции, для начала необходимо определить социальную среду авторов и особенность времени в котором они жили. При определении данных особенностей в последствии можно сделать вывод, чем руководствовались авторы в написании своих произведений, а также как отразилась среда на их творчестве.

Аусеклис и его Даугава

Поэт Микелис Крөгземис, известный под псевдонимом Аусеклис, является представителем латышского народного романтизма. Крөгземис родился в сентябре 1850 года в Вольмарском уезде. Стоит отметить, что Вольмарский уезд, в период 1819-1918 гг. являлся административной единицей Лифляндской губернии.

Год рождения поэта весьма символичен. 1850 год стал важным для формирования независимого латышского народного сознания. Именно в этот год было основано литературно-политическое движение младолатышей. Для данного движения были особо важны национальные и либеральные ценности. Основными идеологами движения были латышские деятели культуры и публицисты, к которым относятся фольклорист и писатель Кришьянис Валдемарс, зачинатель латышской письменной поэзии Юрис Алунанас. Движение младолатышей считается первым латышским народным пробуждением (лат. *atmoda*). Главным образом движение выступало против попыток ассимиляции латышского населения с немцами и русскими, требовало равных прав с другими народами на своих же землях. В связи с этим, призывали латышей развивать собственную промышленность и собственное сельское хозяйство, стремиться к экономической независимости. Выступали против крепостничества и против власти дворянства немецкого происхождения. Стоит подчеркнуть, что движение младолатышей внесло вклад в развитие латышского литературного языка, а также в сознание национальной литературы и культуры. Движение просуществовало 30 лет, до 1880 года. Аусеклис также был представителем движения младолатышей, его главная цель, которую он преследовал в своем творчестве, это желание донести до латышей свободу национального духа, стремление к национальной свободе и независимости.

Возвращаясь к формированию Аусеклиса как личности и писателя, в том числе становления его

политических взглядов, стоит упомянуть 1868 год. Именно в этом году молодой 18 летний юноша поступил в Валкскую учительскую семинарию с целью стать педагогом и распространить свои убеждения в массы. Аусеклис был ярким атеистом, связано это было с тем, что он противился учениям пасторов немецкого происхождения. По причине таких взглядов часто входил в конфликт с преподавателем закона божьего, но благодаря своему выдающемуся таланту закончил семинарию и уже в 1872 году сам приступил к преподавательской деятельности. Изначально Аусеклис пытался устроиться учителем в столичную школу, но идея оказалась невозможной в реализации, главную роль сыграло происхождение молодого педагога. Педагогическую карьеру начал в провинциальном городе Лиелварде, который находится в западной части страны, и проработал в ней два года. Проживание в Лиелварде дало молодому поэту дружбу с Андреем Пумпурсом, автором народного эпоса «Лачплиесис». Пумпурс во многом стал наставником молодому патриоту, познакомил его с народной песней. Пумпурс и Аусеклис одинаково смотрели на реформацию жизни в Прибалтике и развитие латышской литературы, считали, что литературу следует использовать как средство идеологической борьбы, она должна откликаться на социальные проблемы своего времени, нести воспитательную функцию. Именно по причине вышеуказанных убеждений, авторы интересовались фольклором и рассматривали народное творчество как основу не только литературы, но и всего национального искусства. Поэзия Аусеклиса по своей форме близка народным песням. Однако поэт учился также и на образцах мировой литературы. В этот период происходило становление творчества Аусеклиса, на которое повлияли произведения Гете, Шиллера, Гарлибу Меркеля, Руссо, Фейербаха и Александра Пушкина.

Латышская молодежь тянулась к молодому педагогу, что было связано, в том числе с тем, что Аусеклис организовал хор, на котором подготавливал детей и молодых людей к выступлению на Празднике песен. Аусеклис воспитывал в молодежи силу национального духа, при этом активно выступал за обучение в народных училищах на родном – латышском языке. Писатель и педагог также восстает против превращения училищ в церковную кафедру. Свои взгляды и возмущение сложившейся ситуацией поэт излагает в одном из первых своих произведений, в сатире под названием «Письмо из Цесиса», написанной в 1872 году.

Вдохновлённый интересом общественности к хору, Аусеклис отваживается поставить со своими учениками пьесу Рихарда Томсона, представителя первой волны латышского народного движения и основателя латышского общества. Представленная на городской сцене пьеса под названием *Mika* получила большую заинтересованность и восторг со стороны публики. Однако такой смелый шаг со стороны латышского

патриота привел к его увольнению из школы. После увольнения Аусеклис не смог преподавать в родной стране и по причине этого эмигрировал в Санкт-Петербург, где провел все последующие годы своей жизни. В Санкт-Петербурге писатель устроился на работу учителем в английскую школу и стал преподавать английский язык. В России Аусеклис познакомился со многими представителями латышской интеллигенции, у которых были похожие взгляды и убеждения, среди них были композитор и драматург Карлис Бауманис, фольклорист Андрейс Юрьянс, педагог и публицист Кажокс Давис и многие другие.

Для Российской империи не было выгодно господство остзейцев на прибалтийских землях, по причине того, что губернии на данный момент уже принадлежали Российской империи, власть большого соседа была заинтересована в русификации Ливонии, для этого было необходимо ликвидировать господство прибалтийских немцев и благожелательно настроить коренных жителей по отношению к Российской империи. По данной причине Санкт-Петербург принимал латвийских интеллигентов с распростертыми объятиями и поддерживал их во многих начинаниях. Главенство балтийских немцев, остзейцев на территории Лифляндских губерний в XIX веке подтверждается также примерами в произведениях русских писателей того времени. В частности, русский славянофил Юрий Самарин в своем памфлете «Письма из Риги» 1849 года поднимает вопрос о положении Риги входящей в Лифляндскую губернию и об отношении прибалтийских немцев к Российской империи. Интерес писателя к Риге был вызван не только увлечением историей, но и тем, что Самарин исполнял поручения при министерстве внутренних дел, в частности состояв в комитете, отвечавшим за быт лифлянтских крестьян. Для написания памфлета, состоящего из семи писем, Самарин использовал архивные материалы по истории города Риги, но при этом его точка зрения сконцентрирована, главным образом, на господстве прибалтийских немцев на территории Ливонии на протяжении всей ее истории. В качестве решения проблемы со своей стороны автор предлагает русифицировать Лифляндскую губернию.

В период пребывания Аусеклиса в Петербурге активно развивается его творческая карьера. В 1875 году выходит первый сборник стихотворений под названием «Ozolu vaiņaki». В 1876 году выходит еще один поэтический сборник под названием *Вторая книга поэзии*. Аусеклис считается первым автором современного календаря на латышском языке, данный календарь был издан в 1879 году под названием «Календарь прибалтийских помещиков, владельцев и приходских правительств на 1879 год». Поэт известен не только своей поэзией, но также песнями, талант к музыке преследовал Аусеклиса на протяжении всей его жизни. Вместе с композитором Карлисом Бауманисом Аусеклис издал сборник хоровых песен под названием «Dziesmu vītols» в 1877 году.

Творческий путь писателя, не смотря на свое богатство, был достаточно коротким, так как в неполных 29 лет автор умер от тифа. Однако друг Аусеклиса Давис Кажокс взял на себя ответственность за написанные, но не представленные свету произведения автора. В 1888 году он опубликовал сборник в двух томах под названием «Сочинения Аусеклиса». Стоит отметить, что в художественном и идейном смысле поэзия Аусеклиса является наглядным примером латышского романтизма. Писатель, говоря в своих произведениях о народном пробуждении всегда использовал форму настоящего, а не будущего времени, для того, чтобы подчеркнуть готовность народа к переменам. Примером тому могут послужить строки из произведения под названием «Воскресение»: «Что мертвым казалось навеки, воскресло в народе самом».

Продолжая традиции Юриса Алуанса, Аусеклис развил в латышской поэзии пейзажную лирику, проникнутую общественными мотивами. Он связывает, например, пробуждение природы с пробуждением народного сознания; красота латвийских лесов, холмов и долин возбуждает в его лирическом герое стремление к свободе. Особенно поэт любил реку Даугаву, она становится для него синонимом родины, матери народа, песня ее волн - выражением тяжелой судьбы народа. Лучшим наглядным примером тому является стихотворение, написанное в эмиграции в 1874 году под названием «Тримпула». Позднее композитор Карлис Блауманис положил слова стихотворения на музыку и «Тримпула» стала известной патриотической хоровой песней под названием «Kā Daugava vaidā».

Обращаясь к первоисточнику, стоит сказать, что «Тримпула» написана 3-х и 4-х стопным амфибрахийем, присутствует чередование 3-х и 4-х стопных строк. Такого вида рифмовка характерна для романтической баллады. К примеру, такая же рифмовка присутствует в балладе Александра Пушкина «Песнь о вешем Олеге», написанная в 1825 году.

Название «Тримпула» связано с богом виноделия, который представлен в балтийской мифологии. Стоит подчеркнуть, что Тримпула схож с богом Вакхом из древнегреческой мифологии. В стихотворении также упомянут Стабурагс – сталактитовая скала, находящаяся на левом берегу реки Даугавы. Когда-то, до вторжения немецких рыцарей, на берегах Даугавы ликовали свободные, веселые люди, теперь эти берега тихи, только скала Стабурагс льет слезы (олицетворение).

На берегу Даугавы сидит бессмертный герой Иманта. Он видит не только бедствия народа, не только железные пути, которыми скован народ. Он чувствует, как пробуждается мужество народа.

Поэт концентрирует внимание на том, что Даугава находится в упадке, в одном из труднейших моментов своего существования. Даугава высыхает до дна, два раза упоминается, что река стара, что ассоциируется скорее не с

мудростью, а с увяданием. Имея ввиду под Даугавой родину автор желает сказать, что не смотря на то, что ее русло практически высохло и обезвожено, ее сыны обращаются с просьбой к богу виноделия и выпивая насыщаются силой и влагой, которой лишена река.

В третьей строфе первого четверостишья появляется олицетворение „дубы стонут“. Стоит отметить, что дерево дуб является важным символом для балтийской мифологии. Дуб является священным деревом. Это видно также в романе Каримира Буйницкого «Pamiętniki księdza Jordana». Во второй части романа описывается обряд племен латышских язычников, который происходит возле священного дуба: «Wtedy wurszajt powiedział nam, że uczynił z rozkazu bogów; i aby o tym przekonać, powiódł nas dziś rano do świętego dębu, i sprawił wiktums. Zalednie się podniósł w góry płomień, usłyszeliśmy głos wychodzący z wnętrza dębu...» [3].

Под дубом подразумевается древо жизни, в его стволе и ветках находится жизненная сила. Латышских воинов принято сравнивать с крепкими дубами. В стихотворении также упоминается Перкунс. Перкунс также относится к балтийской мифологии. Перкунс является одним из главных богов балтийского пантеона [4]. Бог громовержец властвует над воздухом и отвечает за справедливость. Перкунс в стихотворении выкопал Даугаву для защитников родины. Поэт предлагает выпить пива, так как когда-то это делали деды. Почему задается вопрос именно этот напиток? С одной стороны, он является общедоступным и народным, а с другой используется в различных ритуалах латышей язычников, о чем также говорится в «Дневниках ксендза Иордана» Каримира Буйницкого. Пиво считается напитком богов и его даже кладут в гроб покойнику: «Musieliśmy także skosztować piwa, owego to nektaru, którym, podług ich metologii, napawają się bogowie» [3, 57 с.].

«... spuszczano ciało bez trumny, do wykopanego w ziemi głębokiego dołu, a z niem naprzód dzidkę i kamienny pocisk... potem dwa bohenki chleba..., nakoniec spuszczone do grobu konewkę z piwem i mały gliniany kubek ze łzami płaczek» [3, 55 с.].

Аусеклис все время обращается к предкам: деды умели богов улаживать, слышны загробные бормотания дедов. Данная особенность является подтверждением того, что для поэта важен опыт поколений его народа.

В завершении стоит подчеркнуть, что для поэта очень важны образы из латышской мифологии, а также их символические значения.

Стоит отметить, что псевдоним Аусеклис также связан с древне латышскими традициями. В латышской мифологии под Аусеклисом подразумевается воплощение утренний звезды, в мифологических мотивах часто выступает как жених дочери богини Солнца. Аусеклиса часто можно встретить в народных песнях - дайнах. Символическое изображение является символом латышской культуры и часто изображается на

национальных нарядах. В последствии Аусеклис стал также символом национального движения.

Михаил Борх и его Двина

Впервые альманах под названием «Рубон» был издан в 1842 году. Издавался последующие семь лет, примерно по два тома в год. Стоит отметить, что это было первое периодическое издание, раскрывавшие духовные и материальные особенности Латгальского края. Идея создания альманаха целиком и полностью принадлежала Казимиру Буйницкому. Именно он был главным его редактором, также финансирование издания осуществлялось за его средства [5]. С 1842 по 1849 гг. были изданы десять томов, представляющие собой исторические, этнографические и литературные труды на тему особенности жизни в Латгалии.

В третьем томе в главе под названием «Два слова о Двине», автор статьи граф Михаил Борх в заглавии указывает адресата - это Мартин Карницкий. Мартин, которому граф адресует письмо, является не только хорошим приятелем Михаила Борха, но также родственником, он муж сестры Михаила Зофьи, соответственно его свояк. Статья начинается с лирического вступления, со стихотворения, посвященного Двине, написанного сицилийской октавой с твердой схемой рифмовки. В конце стихотворения указаны место и дата его написания. Граф Борх написал его 20 апреля, в 1843 году в Прейлях. В стихотворении, обращаясь к Мартину, Борх говорит о том, что река его заинтересовала и он планировал ее изучить:

«Poszedłem ja, Marcinie,
Rzeki badać szmer.
O! Ileż w jej dziedzinie
Wielkich świętych er!
Ach wierzaj – tam jedynie,
Tam, dla myśli żer!» [6].

На примере цитаты, в вышеприведенных поэтических строках видно, что поэт восхищается историей описываемых мест, а сама река несет в себе загадки многих эр. Вполне возможно, что изначально река Двина привлекла графа Борха с научной точки зрения, по вопросам естествознания. Однако лирическая форма, с помощью которой автор обращается к своему приятелю говорит скорее о том, что его заинтересовала духовная культура Инфлянт, а также история, повлиявшая на ее становление.

В четвертом томе, в главе под названием «Два слова о Двине» граф Михаил Борх говорит о том, что интерес южной Европы к Прибалтике пропал после того, как прекратились торговля и экспорт янтаря. Интерес пропал ко всем балтийским территориям вместе с его реками, в том числе Рубоном: «... jakby wiecznym dotknięte milczeniem, ustały ustały wszystkie domniemania» [6, 23 с.].

Обращаясь к названию Двины Борх цитирует готского философа Маркомира, который упоминает название Дина: «Danja rodzi mężów uconych i odważnych, ale nie tak dzielnych przecie, jak

ci znowu Duńczycy, którzy siedzibyswoje mają pod nad Diną» [6, 24 c.].

Название реки Дина встречается также в песне датского конунга Рагнара Лодброка, цитату из которой также приводит автор:

«Łśniąc wzroki, biegła przodem do bojowej sprawy;

I ósmiu Jarłów padło tam przy ujściu Diny» [6, 23 c.].

Подтверждением того, что Лодброк говорит в своей песне именно о Двине, называя ее Диной, является то, что в произведении также упомянут самый большой правый приток Даугавы, река Айвиесте. Из вышеуказанных примеров автор статьи делает вывод о том, что норманны называли Даугаву Диной, что стоит справедливо отметить, не лишено доказательств. Встречалось также еще одно название Даугавы, купцы, приезжавшие из Шлезвига и из Бремена, называли реку Дуна.

Борх в продолжении своих рассуждений также затрагивает этимологию названия Двины, которое появилось после Рубона, Дины и Дуны. Название Двина, по мнению автора, происходит от глагола русского языка „двигать”. Борх делится также своими впечатлениями о реке, делает лирическое отступление, пишет о том, что течение Двины медленное и движется она достаточно лениво, неспешна, но при этом движение на ней совершают лодки, течение пытаются ускорить подводные камни.

Интересно, что Двина в описании Борха, также как Двина Храповицкого в стихотворении из первого тома имеет двойственный характер. С одной стороны, она греется на солнце и еле движется, но с другой стороны находится в активном сопротивлении. Автор олицетворяет реку с матерью местных курортов, она имеет выраженные женские признаки.

Наконец автор обращается к названию Даугава, которое дали реке балтийские племена. Однако автор затрудняется наверняка разобраться с этимологией данного названия. Проблема заключается в том, что оно могло произойти как от латышского, как от литовского, так и от латгальского языков. Вполне возможно, что название произошло от латгальского глагола гореть (лат. dag), также могло произойти от латышского слова много (лат. daudz). В литовском также есть обозначение большого количества (лит. daug), к примеру, по литовски выражение «Daug gavom» переводится как „Мы много получили”.

Автор не забывает также дать характеристику местному населению, что отчасти характеризует его отношение к местным латгальцам: «W ostatku kłęk ludu, którego narodowość coraz to mniej staje się wydawną, a wrychle też może zupełnie zaginie» [6, 33 c.].

Завершает свою статью Борх поэтически, в стихотворении также говорит о народе, который жил и живет на берегу Даугавы. Его характеристика, как и в прозе не слишком положительна. В стихотворении народ характеризуется как бедный, но зато свободный:

«Lud ubogi lecz wolny siedział tu dziedziną,
Twoje wdzięki kotyśał – strzegł siebie jedyną» [6, 40].

Известно, что Борх интересовался и вдохновлялся творчеством немецких и французских романтиков. Влияние романтизма присутствует также в стихотворении посвященном Даугаве. Для любого представителя этого литературного направления описание природы является практически долгом. Возможно именно по этой, а не по какой-либо другой причине, сама Даугава и пейзаж вокруг нее описаны поэтом по канонам романтизма. Среда представлена таинственной и экзотической. Черты присутствуют также на уровне метрики, Борх использует пятистопный ямб. Зачастую в романтической поэзии отражены идеи пантеизма, когда сама божественная сила находится в природных объектах. В свою очередь, природа осознается как живое существо. Данные особенности ярчайшим образом представлены в стихотворении о Даугаве, которую поэт олицетворяет с таинственной девушкой. Поэт вопрошает, обращаясь к ней как к таинственной обманщице:

«Zwodnico!... dla każdego głodnie przymilona,
A przeciezawsze tęskna! – powiedz, ulubiona,
Jaka myśl tak potężnie pierś twą okowała,
Że ty głosów nie baczysz, ni lutni zabiegu,
Choć te nierasz cię chciały ukolęsać w biegu?» [6, 40].

Тоска, также как разочарование и неудовлетворенность являются семантическими полями для романтической поэзии. Стихотворение Борха имеет меланхолический характер.

Стоит отметить, что многие представители романтизма, такие, к примеру, как Шелли, считали, что между природой и человеком существует связь, союз, объединяющих двух живых существ. На протяжении всего стихотворения появляется множество таких качеств, а именно: умение думать, мечтать, дышать, говорить, ласкать, звать, веселиться, мыслить, слышать.

Женские образы, с которыми поэт сравнивает реку очень печальны и несчастны - это сирота, вдова, девственница в трауре. Еще более несчастными представлены люди, которые влюблены в Даугаву, но на чьи голоса она безмолвна.

Для того, чтобы понять откуда у Борха такая заинтересованность литературой и искусством при том, что основной его деятельностью являлось естествознание, необходимо обратиться к его биографии.

Стоит подчеркнуть, что писатель был родом из семьи, связанной с центром искусства – Италией. Борхи являются представителями зажиточного, знатного рода, берущего свои корни из Южной Италии. Изначально это неаполитанские феодальные владетели. В XII веке Борхи переехали в Германию, а именно Вестфалию и стали баронами. Позднее, в XIII веке ветви семьи Борхов переселились на разные территории. Одни переехали к Поморью, другие в Польшу, а

именно в Краковское воеводство, третьи в Ливонию. Позднее, а именно в период с XVII по XVIII век, ветвь Борхов, которая перебралась в Ливонию также разделалась на три ответвления, одно из них перебрались на территорию Белоруссии, другое жило в Прейлях, третьи в Варакиянах. Среди ливонской ветви Борхов много известных личностей в истории Лифляндии. К примеру, Бернгард Борх был гермейстером ливонского ордена в период с 1477 по 1485 гг., а его брат Симон был коадьютором ордена. Племянник Симона и Бернгарда, названный также как его дядя коадьютор, был ревельским епископом и папским легатом в Швеции и Дании. Младший Симон Борх известен, главным образом в истории тем, что основал в ревельской епархии два города: Борхгольм и Фейфейер. Фабиан Борх сыграл большую роль в истории Инфлянт, так как был в числе ливонских депутатов, заключивших в 1561 году договор о поступлении Ливонии под польское управление. Представители рода Борхов занимали высокие должности в польско-литовских войсках. К примеру, сын вышеупомянутого Фабиана Гадеон-Симон был генерал-майором польских войск и сподвижником короля Иоанна Собеского, он был убит в бою против Турков под стенами Вены в 1683 году. Фабиан был женат на княжне Каролине Кетлер-Курляндской, дочери герцога курляндского Якова. Сын Фабиана и Каролины Фабиан-Казимир Борх был генералом от артиллерии Великого княжества Литовского, ставший позднее польским послом в Москве при правлении императора Петра I, с которым император поддерживал близкие отношения. Брат Казимира Юрий также служил в войске, был литовским полковником [7].

Из вышеупомянутого стоит сделать вывод, что семья Михаила, как и целый ее род была выдающийся как в военном деле, так и на политической арене. Сам Михаил был сыном важной персоны в Лифляндии, его отец Иоанн Борх, сын полковника Юрия Борха, был ливонским воеводой и курляндским дипломатом. Мать Луиза также была представительницей знатного рода немецкого происхождения, а именно династия Зибергов. Благодаря своей семье Михаил получил очень хорошее образование, после подготовки дома в имени Варклянд с учителем из Франции, поступил в варшавский Collegium Nobilium.

С 1762 года Михаил отправился на военную службу и очень быстро преуспел на данном поприще, уже в 1771 году стал капитаном литовской пешей гвардии. За свои смелые сражения стал фаворитом польского короля и великого князя литовского Станислава Августа. Признание в глазах короля Михаил получил после того, как во время нападения на короля разбойниками, смело вступил в сражение и получил сильное ранение. В 1776 году стал полковником гусарского полка, однако не остался в Польше по причине того, что увлекался чтением описаний Сицилии, также скорее всего дали знать о себе корни и любопытство к местам

происхождения рода. В следствии этого Михаил отправился на юг Италии, а затем на Мальту. Во время пребывания на Мальте Михаил Борх занимался созданием особого польского филиала ордена Св. Иоанна Иерусалимского. После возвращения в родные края Михаил продолжил военную службу и активно пошел вверх по служебной лестнице. В 1781 году стал генерал-квартимейстером, часто выступал на сеймах как посол польской Лифляндии. Уже в 1786 году так сильно заслужил доверие короля, что был назначен в Королевский Совет представителем по военной части. Борх даже пытался уговорить короля Станислава Августа стать пронумерантом на издание его собственных произведений 1785 года, однако затея оказалась неудачной. Стоит тем не менее отметить, что за время своей службы Михаил Борх был удостоен большим количеством почетных наград, среди которых диплом на графское Римской Империи достоинство, ордены Белого Орла, Купрпфальцкого Льва, Св. Станислава.

Однако интерес графа Михаила был связан больше с наукой и литературой, именно по этой причине в 1790 году он покинул службу и практически безвыездно поселился в Варклянде. Замок, в котором проживал свои последние двадцать лет жизни граф Борх, представлял собой роскошный дворец, построенный по проекту архитектора Винченцо Мадзотти в стиле классицизма. Именно в этом живописном месте граф Михаил написал свое элегическое сочинение под названием *Сентиментальный сад в Варакиянах*. Проживая в своем замке, Михаил Борх целиком и полностью углубился в естествознание. Собрал большую библиотеку и минералогическую коллекцию. Поддерживал контакт с мировыми учеными, вел переписку с немецким естествоиспытателем Петром Палласом, швейцарским физиком Даниилом Бернулли, французским биологом и математиком Жоржем-Луи Бюффоном, немецким биологом Иоганном Мюллером и многими другими. Благодаря связям в научной среде и профессиональным научным сочинениям, был членом многих научных обществ и академий во Флоренции и Италии. В 1786 году стал членом Императорского вольно-экономического общества в Санкт-Петербурге.

По причине того, что Борх много путешествовал, вел переписку с Гете и Шиллером, Вольтером, естественным является то, что современные тенденции поэзии не прошли его стороной. Несмотря на то, что Борх более известен научными исследованиями в естествознании и биологии, как часто бывает, талантливый человек талантлив во всем, в связи с этим, Борх известен не только открытием нового класса беспозвоночных животных, названных в честь их открывателя брахиоподами, а также стихами из сборника «Рубон» [8].

Вывод

В заключении стоит отметить, что лифляндец польского происхождения Михаил Борх и

латышский патриот Аусеклис не остаются равнодушными к реке Даугаве, а главным образом к судьбе местности на которой она протекает. Образ реки представлен авторами с позиции латвийского патриота, борющегося за свои права, и с позиции аристократа, наблюдающего за происходящем на землях Лифляндии со стороны. В поэзии Аусеклиса река названа Даугавой, она тесно связана с образом родины. В творчестве Михаила Борха присутствуют как Двина, так и Даугава. Двина для него представляет собой источник, которой несет в себе память поколений, напоминая читателю о войнах и страданиях местного населения. Поэтов объединяют одни исторические события, они несомненно принадлежат к одной расе, но при этом разнятся их национальные интересы и взгляды на текущую ситуацию в стране. Аусеклиса волнуют права латышского народа, Даугаву он ассоциирует с родиной. Михаил Борх, в свою очередь смотрит на реку как на символ латвийских земель и непростой истории со стороны. Аристократическое происхождение Борха и благополучная жизнь также не давала повода для излишнего беспокойства по поводу происшедшей ситуации, однако его интересовала история края, этимология названия. Он подходил к вопросу как ученый исследователь, вдохновленный своими исканиями. Аусеклиса, в свою очередь, несправедливость по отношению к его народу призывала к борьбе, именно поэтому в стихотворении так много отголосков к латышской мифологии, поэт стремился сохранить ценности и

культурное наследие нации, для него поэзия - это инструмент для призыва народа к борьбе. Борх говорит о том, что река не отвечает на просьбы о помощи народа, в стихотворении Аусеклиса народ сам стремится спасти Даугаву.

Литература:

1. Тэн, И. Философия искусства: краткий курс лекций / И. Тэн; переводчик Н. Соболевский. – М: Юрайт, 2019. – 351 с.
2. Skwarczyńska, S. Kierunki w badaniach literackich / S. Skwarczyńska. – Warszawa: PWN, 1984. – 305 str.
3. Bujnicki, K. Pamiętniki księdza Jordana. Obrazek Inflant w XVII wieku / K. Bujnicki. – Wilno: Nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego, 1852. – 263 str.
4. Šmits, P. Latviešu mītoloģija / P. Šmits. – Rīga: Valters un Rapa, 1926. – 151 lpp.
5. Zeile, P. Kazimirs Buiņickis – sociālo reformu rosinātājs Latgalē, latviešu vienotības paudējs, rakstnieks un publicists / A. Macilevičs // Acta Latgalica. – 1999. – № 10. – 241-256 lpp.
6. Bujnicki, K., Rubon. Pismo poświęcone pożytecznej rozrywce / K. Bujnicki. – Wilno: Drukiem Józefa Zawadzkiego, 1842. – 200 str.
7. Долгоруков, П. В. Князя Борхи, в: Российская родословная книга / П.В. Долгоруков. – Спб: тип. К. Вингебера, 1856. – 524 с.
8. Stradiņš J. Latvijas zinātnieki / J. Stradiņš. – Rīga: Zinātne, 2007. – 171 lpp.